

Даниэль
ПЕННАК

ФЕЯ КАРАБИНА

АРКАДИЯ

Санкт-Петербург
2018

УДК 821.133.1
ББК 84(4)
П25

Daniel Pennac
LA FÉE CARABINE
Перевела с французского
Алла Беляк
Дизайнер обложки
Александр Андрейчук
Художник
Валерия Камелькова

Пеннак Д.

П25 Фея Карабина : [роман] / Даниэль Пеннак; [пер. с франц. А. Беляк] — СПб. : Аркадия, 2018. — 384 с. — (Серия «Французский детектив»).

ISBN 978-5-906986-33-7

Населенный иммигрантами Бельвиль, конечно, не самый спокойный район Парижа, но серия убийств пожилых людей — это уже чересчур. Бенжамен, профессиональный «козел отпущения» и старший брат в огромном семействе, оказывается в центре разворачивающейся трагедии, более того, становится основным фигурантом по этому делу. Но разве этот добрый, светлый, любящий, искренний и честный человек способен поднять руку на стариков и старушек?

УДК 821.133.1

ББК 84(4)

© Éditions Gallimard, Paris, 1987

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Аркадия», 2018

ISBN 978-5-906986-33-7

И никто никого не спас своей шпагой.
Мы из-за этого стали другими, пес и я.

Робер Сула. Предвесна

— Увы! Стареть — это единственное
средство, какое я смог найти, чтобы не
умереть молодым, — говорил мой отец.

I. Город, НОЧЬ

Город — любимая собачья еда.

Над Бельвилем¹ стояла зима, и действующих лиц было пятеро. Если с замерзшей лужей, то шестеро. И даже семеро, считая пса, который увязался с Малышом в булочную. Пес был эпилептик, и язык у него вываливался набок.

Замерзшая лужа напоминала по форме карту Африки и занимала всю площадь перекрестка, который задумала перейти одна пожилая дама. Да, на корке льда, борясь с порывами ветра, стояла старуха. Она продвигала вперед один бот за другим, выигрывая миллиметр за миллиметром. В руках у нее была авоська, откуда торчал жухлый пучок зелени, на плечах лежала старая шаль, а из ушной раковины виднелся провод слухового аппарата. Так шаг за шагом старушкины боты доползли, скажем, до середины Сахары этого африкообразного ледника. Осталось еще тащиться через весь юг, страны апартеида и так далее. Если только она не срежет угол через Эритрею и Сомали, но Красное море на обочине проезжей части ужасно обледенело.

¹ Парижский квартал Бельвиль (20-й округ), расположенный на одноименном холме, с 1920-х годов стал пристанищем для множества иммигрантов. Квартал в шутку называют «Вавилонвилем».

Такие неуставные мысли витали под короткой стрижкой юного блондинчика в зеленом реглане, который наблюдал за старушкой с тротуара. Попутно блондинчик отметил, что у него здорово развито воображение. Вдруг старушкина шаль распахнулась, словно перепончатое крыло летучей мыши, и все замерло. Она пошатнулась — и снова выпрямилась. Блондинчик разочарованно матернул себя под нос. Его вообще сместило, когда кто-нибудь шлепался на землю. Был в его русой голове такой небольшой непорядочек. Хотя если взглянуть со стороны, башка безупречная. Волосок к волоску, аккуратный ершик. Но стариков он недолюбливал. Ему все казалось, что они как-то грязноваты. Если так можно выразиться, он представлял их себе сысподу².

Блондинчик принялся прикидывать, растянется старушка или не растянется на этом африканском побережье, как вдруг заметил на противоположном тротуаре двух других действующих лиц, впрочем, также имеющих некоторое отношение к Африке, — арабов. Двух. Ну, в общем, североафриканцев, или, если кому так больше нравится, магрибинцев. Блондинчик никак не мог решить, как бы их так обозвать, чтоб не прослыть расистом.

² То есть со стороны нижнего белья.

Он был национал-фронтистом и не скрывал этого. Но в том-то и дело, что он не хотел, чтобы говорили: он-де с Национальным фронтом, потому что сам расист. Нет-нет, как в былые годы учили его на уроках грамматики, тут отношения не причинные, а следственные. Он национал-фронтист, и вследствие этого объективно задумался над опасностью неконтролируемой иммиграции и по здравом размышлении пришел к выводу, что надо вышвырнуть к чертовой матери из страны всю эту мразь, и как можно скорее; во-первых, чтоб не портили нашу чистокровную французскую породу, во-вторых, из-за безработицы, а в-третьих, безопасности для. (Когда у человека столько оснований мыслить здраво, как можно оскорбить его обвинениями в расизме?)

Итак, старушка, африкообразная лужа, два араба на тротуаре напротив, Малыш со своим припадочным псом и размечтавшийся блондинчик... Звали его Ванини, служил он инспектором полиции, и его уделом было именно заботиться о безопасности. Потому он и стоял тут и бдил в числе прочих полицейских в штатском, разбросанных по Бельвилю. Потому и холодила ему правую ягодицу пара хромированных наручников. Потому и потягивала под мышкой кобура со служебным пистолетом. Потому и кастет в кармане, и баллончик с газом в рукаве — личное дополнение к уставному набору

оружия. Сначала применить газок, а уж потом спокойно вдарить кастетиком — этот рецепт он изобрел сам и не раз доказал его эффективность. А все оттого, что ну очень остро встала проблема небезопасности! Четыре старушки, которых меньше чем за месяц зарезали в Бельвиле, — они ведь не сами себя порешили!

Насилие...

Значит, насилие...

Белокурый Ванини искоса и задумчиво взглянул на арабов. Неужели они и дальше будут резать наших старушек как баранов, за здорово живешь? Внезапно блондинчика захлестнула жажда подвига: на противоположном тротуаре два араба стояли и калякали по-своему, а он, инспектор Ванини, стоял напротив, белокурый и чистый, с тем сладостным чувством в сердце, которое греет вас, когда вы очертя голову ныряете в Сену на зов протянутой руки. Добраться до старушки раньше них. Не дать свершиться преступлению. Тут и силу применить не вред. Вот юный инспектор ставит ногу на Африку (кто бы сказал ему, что в один прекрасный день он зайдет так далеко...). Широкими уверенными шагами приближается к старушке. Нет, он не поскользнется. Он обут в высокие шнурованные ботинки с металлическими подковками, в те самые ботинки, которые он носит, не снимая, с поры

высшей военной подготовки. Итак, он идет по льду на помощь представительнице пожилого или старшего возраста, не теряя из виду арабов напротив. Доброта. Сейчас он весь — одна большая доброта. Потому что хрупкие плечики старушки внезапно напомнили ему плечи его собственной, ваниниевской бабушки, которую он так любил. Увы, любовь была посмертной. Да, часто наши старики умирают слишком рано, не дождавшись наступления нашей любви. Ванини сильно досадовал на бабушку за то, что она не дала ему времени полюбить себя при жизни. Но в общем-то любить покойника — лучше, чем вообще никого не любить. По крайней мере, так думал Ванини, приближаясь к готовой вот-вот упасть старушке. Даже сумка у нее была какая-то трогательная. А уж слуховой аппарат... Бабушка Ванини тоже под старость оглохла и так же без конца регулировала громкость своего аппарата, крутя колесико, расположенное между ухом и редкими волосами за ним. Какое знакомое движение указательного пальца, да, ну точно бабушка. Блондинчик таял от умиления. Так что даже почти забыл про арабов. Он уже готовил речь: «Бабушка, разрешите вам помочь», которую собирался произнести с внучьей нежностью, почти что шепотом, чтобы старушка не вздрогнула от внезапного появления звука в слуховом усилителе.

До нее оставался какой-нибудь шаг, он был сама любовь, и тут старушка обернулась. Всем корпусом. С протянутой рукой. Словно тыча в него пальцем. Но только вместо указательного пальца старушка наставила на него револьвер тридцать восьмого калибра, того, еще немецкого времени, — оружие, прожившее век, не состарившись ни на йоту, всегда модный антиквариат, традиционное орудие убийства с гипнотическим отверстием ствола.

И спустила курок.

Все мысли блондинчика разлетелись в стороны. Отчего на фоне зимнего неба возник прекрасный цветок. Не успели его первые лепестки осыпаться на землю, как старушка спрятала оружие назад в авоську и пошла своей дорогой. Кстати, отдача помогла ей выиграть у своей ледовой дорожки добрый метр.

2

Итак, убийство и трое свидетелей. Только когда арабы не хотят ничего видеть, они ничего не видят. Есть у них такая странная привычка. Видимо, она как-то связана с их культурой. Или с чем-то, что они слишком хорошо усвоили в нашей культуре. Значит, арабы ничего не видели. Вряд ли они даже выстрел слышали.

Остаются мальчик и собака. Но что касается Малыша, то он сквозь свои розовые очки видел только одно: русая голова превратилась в небесный цветок. И это его настолько восхитило, что он сорвался с места и побежал рассказать об этом домашним — мне, Бенжамену Малоссену, моим братьям и сестрам, четырем дедушкам, матери и моему старому другу Стожилковичу, который в этот самый момент разделявает меня в шахматы.

Дверь бывшей мелочной лавки, которая служит нам квартирой, настежь распахивается, и с криком влетает Малыш:

— Послушайте! Я видел фею!

Тем не менее жизнь в доме продолжает идти своим чередом.

Только моя сестра Клара, готовящая баранину по-монтальбански, бархатистым голоском говорит: